

О СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(ЗАМЕТКИ ЕВРАЗИЙЦА)

Советская промышленность существует в условиях тройного покровительства. Также и в рамках монополии внешней торговли сохранены таможенные покровительственные пошлины (т. наз. таможенный протекционизм). Существование этих пошлин является одним из факторов, обеспечивающих советской промышленности возможность реализовать свои изделия на внутреннем рынке — по ценам, значительно превышающим мировые. Этот излишек есть как бы подать, которую уплачивают все прочие участники народно-хозяйственного оборота в пользу советской промышленности. Такова первая форма протекционизма, в условиях которого живет советская промышленность. Выгодность положения для государственной промышленности усугубляется тем, что по большому числу отраслей промышленность эта не имеет конкурентов в виде кустарной и частной промышленности (репрессивными мероприятиями эти последние сведены на нет); и потому может односторонне диктовать свои цены внутреннему рынку. В вопросах сбыта, большинство государственных предприятий выступает объединенно, в виде синдикатов. Этим путем достигается дополнительный приток средств из других частей народно-хозяйственного целого в советскую промышленность. Государственная промышленность выступает объединенно и по части закупки сырья. Тем самым, создается возможность платить производителям (сельским хозяйствам) наинизшие цены. Совокупность этих условий можно обозначить, в качестве второй формы покровительственного режима, при котором живет советская промышленность. Наконец, третья форма покровительства определяется теми прямыми отчислениями из государственного бюджета, которые делаются в пользу промышленности. Так, напр., согласно „контрольным цифрам пятилетнего плана промышленности на 1928/29—1932/33 гг.“ (Москва 1929) сальдо в пользу промышленности (в расчетном балансе промышленности с бюджетом) выразилось в 1927/28 операционном году в сумме 445 мил. руб. (стр. 64). План предусматривает повышение этого сальдо к 1930/31 г. до 854 мил. руб. В этом приливе бюджетных средств в промышленность мы находим третий насос, перекачивающий средства других частей народно-хозяйственного целого в советскую промышленность. В иных терминах, положение можно охарактеризовать, как протекционизм в три этажа. Подобный трех-этажный протекционизм нужно признать явлением, небывалым в истории. В то же время, в сравнении с громадностью усилий и жертв, приходится считать ничтожным тот результат, который достигнут советской промышленностью. По данным советской статистики, продукция 1926/27 и 1927/28 гг. „по более или менее сопоставимому кругу предприятий“ подошла и, б. м., несколько превзошла довоенные размеры

производства.*) Но именно те части промышленного производства, которые не относятся „к более или менее сопоставимому кругу предприятий“, в частности кустарная и мелкая промышленность — безусловно стоят ниже довоенного уровня. Таким образом, в смысле количественных итогов, пятнадцатилетний период, протекший со времени объявления войны (1914—1929), для развития русской промышленности оканчивается с отрицательным сальдо. И это — несмотря на тройное покровительство, оказываемое советской промышленностью! И при том условии, что количество населения на нынешней территории СССР к 1929 году возросло, по сравнению с 1914 г., на добрые полтора десятка миллионов**). Что же обещает, в этом отношении, пятилетний план? — План этот принято называть гигантским, грандиозным и пр. В некоторых отношениях он решительно не отвечает этим определениям, так, в частности, по числу рабочих, которые он предполагает занять в промышленности. В „Контрольных цифрах“ указано, что число это должно подняться („по всей промышленности“) с 2.078 тыс. чел. в 1927/28 г. до 2.819 тыс. чел. в 1932/33 г.***) Занятие в промышленности трех миллионов человек, проектируемое к концу пятилетия, ни в коем случае не может разрешить тяготеющей над Россией безработицы. Резче всего, безработица эта выражается в факте аграрного перенаселения. Совершенная несоразмерность заданию великопромышленного развития России цифры в три (или хотя бы — четыре) миллиона человек занятых в промышленности рабочих (см. примечание) явствует, между прочим, из следующего сопоставления: уже в 1921 г. во Франции, т. е. на территории в 500—600 т. кв. км. с 40 милл. населения, в промышленности было занято 4½ мил. чел., в Германии — в 1924 г. — 7,3 милл. чел., в С. Ш. — в 1923 г. — 8,8 милл. чел.

Свои оптимистические прогнозы советские хозяйственники часто сопровождают многозначительным условием: „если не будет нарушен процесс увеличения благосостояния сельского населения“. К настоящему моменту это „если“ нужно формулировать иным образом: названный процесс уже нарушен. Дело идет о восстановлении процесса — в том виде, как он протекал от начала Нэп'а к 1925—26—27-му году. Если этот процесс будет восстановлен, то число „постоянных рабочих в основных заведениях“ к 1932/33 г. может приблизиться к трем миллионам. Было бы совершенной катастрофой, если бы оно не приблизилось к этой скромной цифре. Гораздо менее обоснованы другие показатели пятилетнего плана. До последнего времени за-

*) Промышленность СССР в 1926/27 году. Ежегодник ВСНХ. Год издания седьмой, Москва 1928, стр. 3.

***) С 138 милл. на 1/1 1914 г. до 154—155 милл. к середине 1929 г. (ср. „Итоги десятилетия советской власти в цифрах: 1917—1927“, стр. 32).

***) Относительно числа рабочих в советской прессе наблюдается самый причудливый разнобой. Проведенные в тексте цифры исчисляются, повидимому, „постоянных рабочих в основных заведениях“. Рыков, в докладе на XVI конференции ВКП(б), утверждал, что „количество рабочих ценовой промышленности, равное в 1927/28 г. 2.750 т. чел., к концу пятилетия будет равно 3.631 тыс. чел.“ (По данным издания: „Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—27 гг.“ Центральное Статистическое Управление СССР, Москва 1928 — численность рабочих, занятых в промышленных предприятиях на территории нынешнего СССР равнялась в 1917 г. 2.757 тыс. чел.). На той же конференции другой докладчик — Кржижановский — число рабочих ценовой промышленности „в 1932/33 г.“ исчислял в 4.080 тыс. чел.; и т. д. и т. п. Участнику конференции предоставлялось разобраться, к чему же сводится „пятилетний план“. Если даже исходить из цифры в четыре миллиона человек (что является крайне оптимистическим допущением), то и в этом случае выводы наши сохраняют полную силу (см. текст).

рабочая плата росла быстрее, чем выработка на рабочего — так в 1927/28 году заработная плата, по сравнению с уровнем 1924/25 г., принятым за 100, поднялась до 154,5, а выработка на рабочего — всего лишь до 144,4. С 1928/29 г. „Контрольные цифры“ предполагают коренную перемену соотношения: выработка должна пойти впереди зарплаты, с тем, чтобы выразиться к 1932/33 г. показателем 281,3, при показателе зарплаты 210,1. Такой перелом, при подобном темпе нарастания выработки — по характеру близок „к прыжку из царства необходимости в царство свободы“. То же можно сказать о связанном с этим ростом проекте понижения к 1932/33 г. „полной себестоимости промпродукции“ на 32%, при „снижении стоимости строительства“ на 47%. В отношении себестоимости, развитие советской промышленности в последние годы прошло различные фазы. В частности, по данным „Контрольных цифр“, себестоимость средств производства претерпела в 1925/26 г. резкое повышение. А вслед за тем, снижалась далеко не в том темпе, который предполагается, начиная с 1928/29 г. Детальную картину движения себестоимости по отдельным отраслям дает вышеупомянутый Ежегодник ВСНХ. Наряду с отраслями, понизившими себестоимость, весьма значительный ряд отраслей дал повышение себестоимости (каменно-угольная промышленность, торфяная, обувная, жировая, лесохимическая и т. д.). Упомянутые выше темпы увеличения числа рабочих соответствуют исторической тенденции и являются скорее замедленными (в отношении же потребности народного хозяйства — совершенно недостаточными). В области движения выработки и снижения себестоимости, проектируемые темпы не обоснованы предшествующим развитием. И в этом смысле, являются не историчными, не отвечающими тенденциям прошлого. Поскольку марксизм историчен, марксист мог бы сказать, что темпы эти являются не марксистскими.*)

Не обоснованность цифр выработки ставит под вопрос величину валовой продукции (по пятилетнему плану продукция промышленности, в неизменных ценах, должна возрасти с 10,8 мд. червон. рублей в 1927/28 г. до 29 мд. руб. в 1932/33 г.**)

Чтобы продукция промышленности действительно приблизилась к концу пятилетия к тем физическим объемам, которые намечаются пятилетним планом, необходим коренной перелом во всей промышленной системе СССР; коренной перелом, который дал бы, между прочим, возможность занять в качестве „постоянных рабочих в основных заведениях“ большее число рабочих, чем то проектируется пятилетним планом. Для этого, прежде всего, необходимо понять, что вся система насосов, для перекачивания средств в советскую промышленность из других частей народо-хозяйственного целого, всё сооружение „протекционизма в три этажа“ имеет смысл только в том случае, если есть что перекачивать. Оно имеет тем больший смысл, чем

*) Несоответствие усилено в „постановлении V пленума ВСНХ СССР“ („Правда“, 24/IV 1929): „...признать необходимым довести уровень снижения себестоимости... до 35 проц. вместо первоначально запроктированных... 32 проц. На ряду с этим, запротектировать некоторое дополнительное повышение производительности труда за 5-летие сверх намеченных... 95 проц.“ и т. д.

**) Не говорим уж о том, что на проблемы себестоимости и валовой продукции накладывает свой отпечаток и то обстоятельство, что червонный рубль, в котором производятся все расчеты, отнюдь нельзя признать устойчивой валютой. В этих условиях, задания о снижении себестоимости (в червонном исчислении) в тот или иной момент будущего могут звучать горькой иронией...

значительнее „физический объем“ содержимого в тех бассейнах, из которых ведется перекачивание. С этой точки зрения, признание каждого середняка, достигшего сколько-либо заметного уровня благосостояния, „кулаком“, и объявление ему беспощадной войны есть просто экономическое безумье, противоречащее основным целям развития промышленности и достижения „высоких темпов“.*) Высокие темпы и развитие благосостояния деревни — это не взаимоисключающие явления, но наоборот — два явления, сопряженные один с другим функционально связью. Замысел индустриализации должен быть не ослаблен, но усилен ставкой на благосостояние деревни. Политика ущемления зажиточного середняка (под именем „кулака“), с особой решительностью начатая с конца 1927 г. и с разными вариациями продолжаемая до сих пор, — уже привела к единственно возможным результатам. Фактическое осуществление индустриализации, по всему фронту, наталкивается на „сдерживающий фактор“, в виде показателей, относящихся к сельскому хозяйству. Не давая сельскому хозяину расширить и укрепить свое хозяйство, нельзя ожидать от него ни высокой покупательной способности (в приобретении, да притом по высоким ценам, продуктов промышленности), ни высокой продуктивности — в производстве продуктов питания и сырья. „По льну мы запроектировали в сравнении с теперешним уровнем возрастание урожайности на 47% и все же не достигнем довоенного уровня: будем иметь 3 центнера с гектара вместо 3,2. По пеньке кое-как достигли довоенного уровня, по сахарной свекле довоенного уровня не достигли, несмотря на большую проектировку роста урожайности“ („Контроль цифр“, стр. 23). Стоит вдуматься в смысл этих данных, пробивающихся чрез безудержный оптимизм „Контрольных цифр“, — чтобы понять, что в существующем должны быть произведены коренные изменения. Система промышленного протекционизма должна быть дополнена системой протекционизма аграрного (т. е. политикой высоких цен на с. х. продукты и покровительства наличным с. х. производителям). В силу основоположной соотносительности отдельных частей народо-хозяйственного целого, только введение аграрного протекционизма может дать полное значение и смысл протекционизму промышленному и явиться основанием индустриализации, действительно соразмерной потребностям страны. Аграрный протекционизм — не против, но ради целей индустриализации — таким должен быть жизненный лозунг политики рабоче-крестьянской страны. Пока же власть, облыжно именующая себя рабоче-крестьянской, будет требовать от крестьянства сдачи с. х. продуктов, по ценам, которые сплошь и рядом ниже себестоимости, как то происходит в настоящее время **) — лозунг „не достигнем довоенного уровня“ будет оставаться господствующим в экономической жизни. „Не достигнем довоенного уровня...“ — в то время, как нужно трехкратное превышение этого уровня!

Нынешний порядок можно охарактеризовать, как режим экономической гражданской войны. Гражданская война есть этап революции, но война эта не есть подходящая основа для развития производства. Между тем, именно военными действиями приходится назвать те про-

*) Нужно подчеркнуть, что только проектируемое к созданию коллективизованное и огосударственное сельское хозяйство ни в коем случае не может быть в сколько-либо близком будущем источником ресурсов и средств, столь необходимых для промышленности.

**) Ср. Ежегодник ВСНХ, Год седьмой, стр. 341

явления „экономической политики“, которые описываются, напр., по кожевенной промышленности (Ежегодник ВСНХ, стр. 378). „Для борьбы с частным капиталом, укрепившимся на сырьевом рынке“ были проведены мероприятия, сводившиеся „к приостановке сдачи кожевенных заводов в аренду частным лицам и к ликвидации ранее заключенных... договоров, к прекращению снабжения частных заводчиков импортными дубителями, применяемыми, гл. образ., в производстве крупных кож, к усилению налогового обложения частников, к прекращению банковских кредитов им на заготовку сырья...“ Частник должен был расплачиваться за то, что государственн. и кооператив. заготовители не сумели справиться с заготовкой сырья. Тут же было продемонстрировано, насколько „всерьез и надолго“ заключаются коммунистической властью договоры с собственными гражданами. „Однако, частный капитал, вытесненный с рынка крупного сырья, перебросил свои силы и средства на рынок мелкого сырья. Для переработки последнего ему не было необходимости прибегать к импортным экстрактам и к аренде заводов. Технические условия производства допускали возможность использования лишь дубителей внутреннего происхождения, которыми богата страна, а завод с дубильными чанами мог быть легко заменен примитивной „кадушкой“. — В результате, у государственных и кооперативных заготовителей, вместо недобора на крупные, получился недобор на мелкие кожи. Такая политика никак не может быть названа политикой развития производительных сил. Это — политика Тришкина кафтана. — Подобные же боевые действия описываются по шелковой промышленности, табачной, махорочной и т. д. Так, „повышение... акцизов и цен на махорку отозвалось резким снижением потребительского и торгового спроса. Для государственной объединенной промышленности дело осложнилось... тем, что еще более это обстоятельство отразилось на кустарных и частных фабриках... последние стали подвергаться массовой ликвидации, добровольной или вынужденной... рынок наводнился кустарной и частной махоркой по цене почти только одного акциза“. — В последнее время нет отрасли и нет года, по которым не объявлялось бы о сокращении доли частника в сбыте товаров. Кроме непродажки частнику продуктов государственной промышленности, предпринимаются другие, более исключительные меры. Таково повышение „для частника“ на 30% тарифа при перевозке соли по железной дороге. „Поскольку тарифные расходы составляют значительную долю в продажной цене, частник принужден... ограничиться местностями, где не было кооперативных организаций или расположенными вблизи промыслов“. В этой политике не учитывается, что таким путем уничтожаются налоговые объекты, которые могли бы питать средствами самое же государственную промышленность. Не говорим о расстройстве снабжения, которое происходит из этих мероприятий.

Частное начало есть крупное творческое начало экономической жизни. Поставленное в положение врага планового хозяйства — оно способно вызывать в нем перебои и нарушения. Поставленное в рамки государственного регулирования, оно — первостепенный фактор развития производительных сил.

Одним из условий развития производительных сил, соразмерного потребностям страны, является переход (в промышленной области) от режима экономической гражданской войны к режиму государственно-частной системы.

Ник. Лук. Тимофеев